

CUKUROVA 6th INTERNATIONAL SCIENTIFIC RESEARCHES CONFERENCE

March 5 - 6, 2021
ADANA, TURKEY

FULL TEXT BOOK

EDITORS

Dr. Ahmet KARDASLAR
Merve KIDIRYUZ

All rights of this book belong to ISPEC Publishing House
Authors are responsible both ethically and juridically
ISPEC Publications - 2021©

Issued: 27.03.2021

ISBN:'978-625-7720-26-7'

**«ДОЛГОЕ-ДОЛГОЕ ДЕТСТВО» И «ДЕРЕВЕНСКИЕ АДВОКАТЫ» М. КАРИМА КАК
РОМАНЫ (ПОВЕСТИ) В НОВЕЛЛАХ**

**“LONG, LONG CHILDHOOD” AND “VILLAGE LAWYERS” BY M.KARIM AS
NOVELS (STORIES) IN NOVELLAS**

Николай Васькив

Киевский университет имени Бориса Гринченко, Украина

ORCID NO: 0000-0003-3909-1213

В статье анализируются произведения выдающегося башкортского писателя Мустая Карима (1919–2005) «Долгое-долгое детство» и «Деревенские адвокаты» как романы в новеллах. Акцентируется внимание на том, что эти произведения башкортского писателя генологически значительно более близки к роману, чем к повести. Они состоят из большого количества отдельных частей (двадцать – восемнадцать), которые имеют завершённый автономный сюжет и могут рассматриваться как отдельные завершённые новеллы (рассказы и даже повести). В общем целом их объединяет образ рассказчика (повествователя), персонажи, переходящие из новеллы в новеллу, идейный и композиционный замысел и т. д. «Долгое-долгое детство» – также автобиографический роман, поэтому наррация ведётся от первого лица, которое является то второстепенным, то главным персонажем, то «посторонним» наблюдателем, отчетливо ассоциируется с реальным писателем Мустаем Каримом. В «Деревенских адвокатах» повествование ведётся от третьего лица, который не принимает никакого участия в событиях романа и пересказывает только увиденное или услышанное от других. Новеллы (разделы) композиционно могут объединяться общими темами, мотивами или, наоборот, по приёму контраста, создавать композиционное обрамление произведений. «Долгое-долгое детство» и «Деревенские адвокаты» М. Карима вписываются в широкий контекст романов в новеллах в украинской, русской и узбекской литературах как 1920–30-х годов, так и второй половины XX века. Построение произведений как романов в новеллах даёт возможность представить панорамное, полифоническое изображение мира отдельного человека и башкортского этноса XX века.

Ключевые слова: роман; повесть; роман в новеллах; повествование; повествователь; контекст.

Mykola Vas'kiv,

Borys Grinchenko Kyiv University, Ukraine

In the article, famous Bashkir writer Mustai Karim's (1919–2005) creative works “Long, Long Childhood” and “Village Lawyers” are analyzed as novels in novellas. It is pointed out that these works of Bashkir writer genealogically are closer to a genre of a novel than a story. They consist of a big number of separate parts (twenty – eighteen), which have completed autonomous plots and could be considered as separate complete novellas (short stories and even stories). They are bound together into one whole with the help of an image of storyteller (narrator), characters, moving from one novella into another, idea and compositional design etc. “Long, Long Childhood” is also an autobiographical novel, so the narration from the first person was used; the narrator presented himself in turn as a minor and main character, sometimes as an “outside” observer, and he is clearly associated with the real writer Mustai Karim. In “Village Lawyers” the third-person narration is used and the narrator doesn't participate in events of a novel, but only retells the things he saw himself and heard from the others. Novellas (stories) could be compositionally interconnected with the common themes, motives, or vice versa to make by contrast a compositional frame of the works. “Long, Long Childhood” and “Village Lawyers” by M. Karim were put into a broad context of the novels in novellas of Ukrainian, Russian and Uzbek literatures both in 1920-30s and in the second part of 20th century.

Structuring the works as novels in novellas gives an opportunity to imagine panoramic, polyphonic representation of both separate individuals and Bashkirs ethnos of 20th century in general.

Key words: novel; story; novel in novellas; narration; narrator; context.

Любой роман последних двух столетий, тем более – за последние сто лет синтезирует в себе особенности нескольких жанровых разновидностей. Даже если говорить об особенностях доминирующих разновидностей, то чаще всего одной не ограничишься. Если говорить о «Долгом-долгом детстве» и «Деревенских адвокатах» Мустая Карима, то можно утверждать наличие синтеза в их тексте черт автобиографического (биографического), семейного, философско-лирического романов (повестей). А также романа в новеллах.

Но прежде – несколько слов о том, согласиться ли с общепринятым утверждением, что «Долгое-долгое детство» и «Деревенские адвокаты» – повести. Поскольку по количеству персонажей, событий, коллизий, временному охвату, полифоническому звучанию, в конце концов, по текстовому объему эти два произведения являются значительно ближе к роману, чем к повести. Собственно, многие российские, в частности и башкирские, ученые высказывают такую же мысль: «Произведение “Долгое-долгое детство” со сложной структурой рассчитано на более искушенного читателя-эстета. Даже его жанр не определен

конкретно – автором назван “китапом”. Филологи-литературоведы определяют суть художественного текста как повесть. Хотя вслед за Г.Б. Хусаиновым можно уверенно предположить: “У основанной на тенденции синтеза жизненного материала повести сложна и жанровая структура. Для неё более характерны такие качества, как эпическая широта и многоплановость. Этим повесть приближается к роману”» [1]. Поскольку это не является основным вопросом статьи, то оставим его за скобками. Разница между романом в новеллах и повестью в новеллах есть, но она не огромная, не очень принципиальная, что дает основание воспринимать их в данном исследовании как очень близкие, время от времени указывать относительно «Долгого-долгого детства» и «Деревенских адвокатов» после термина роман в скобках – повесть.

Теперь же об этих произведениях как о романе (повести) в новеллах. Собственно продолжение приведенной выше цитаты тоже упоминает, тоже со ссылкой на Г.Б. Хусаинова, о таком жанровом определении для «Долгого-долгого детства»: «Также академик справедливо замечает, что “Долгое-долгое детство” по жанру близко к роману, основываясь на архитектонике, которая состоит из цепи новелл, подкрепляя свои доводы сравнениями – схожими по внешней композиции примерами: “Циклон” О. Гончара, “Чинар” А. Мухтара, “Живем, оказывается” Ш. Биккула и др.» [1]. (Сразу отметим, очевидно, оговорку в этой цитате, непонятно – чью: роман в новеллах Олеся Гончара – это не «Циклон», а «Тронка».)

Как любили говорить раньше, исторически так сложилось, что жанровая разновидность романа в новеллах снискала значительно больше внимания в украинском литературоведении, чем в российском, хотя не только в украинском. Так, Е. Бровко упоминает в своей монографии [2] автореферат диссертации, очевидно, узбекской ученой Х.Д. Хамракуловой «Современный роман в новеллах (к проблеме жанрово-стилевого многообразия советской литературы)» еще советских времен [3]. Большое внимание к роману (значительно меньше – к повести) в новеллах в Украине связано, прежде всего, с популярностью этой жанровой разновидности в украинской литературе. Особенно это относится к произведениям, ставшим классическими не только в украинской, но и в советской литературе в целом – «Всадникам» Юрия Яновского и «Тронке» Олеся Гончара. А кроме них были еще «Блакытний роман» Г. Михайличенко, «Вертеп» А. Любченко, «Четыре сабли» того же Ю. Яновского, «Скрип колыбели» И. Чендея, «Волчья зоря» Е. Пашковского и многие другие, заканчивая уже постмодернистской романистикой (например, «АМ™» Юрия Издрыка). Хотя украинские исследователи называют также много романов в новеллах (или жанрово близких к ним) в литературах других народов

СССР, в том числе и в русской. Так, В. Панченко напоминает, что сам Ю. Яновский своим предшественником считал И. Бабеля с его «Конармией» [4, с. 278–282]. Елена Бровко, вслед за Л. Якименко, называет «Разгром» А. Фадеева, «Спутники» В. Пановой, «Липяги» С. Крутилина [2, с. 313].

Основная часть диссертации Х. Хамракуловой посвящена анализу романа классика узбекской советской литературы Аскада Мухтара «Чинара», или «Чинар», как называет его Гайса Хусайнов. Этот роман появился в узбекской литературе в конце 1960-х годов, что называется, не на голом месте. Потому что в 1933 году была первая публикация произведения Амира Саргиджана (москвича Сергея Бородина, который счел себя узбекским писателем) «Египтянин», жанр которого автор определил как роман в новеллах. А в 1932 году Ю. Яновский начал работу над «Всадниками», которую завершил в 1934 году. Вряд ли мимо его внимания прошло московское издание «Египтянина». Можем только предполагать определенное влияние романа А. Саргиджана на украинского писателя или хотя бы типологическое сходство с ним как веяние времени. Но таким образом круг романов в новеллах в разных литературах народов СССР, что называется, замкнулся.

Е. Бровко отмечает, что стремление к циклизации отдельных новелл, их объединению в бóльшие по объему и структуре формы было присуще литературе еще со времен древнего эпоса и Средневековья, во всевозможных видах: «Художественным проявлением взаимодействия романной и новеллистической форм является не только использование новеллы в качестве вставной в романе, но и собственно новеллизация сюжета большой эпической формы, превращение новеллы или цикла в роман, трансформация новеллистического цикла, развитие обрамленной повести, функционирование романа в новеллах» [2, с. 298]. Поскольку исследовательница обстоятельно анализирует работы формалистов, то, пожалуй, не мешало бы указать, что собственно роман, по утверждениям В. Шкловского и др., появился как следствие объединения новелл («Декамерон» – «Гаргантюа и Пантагрюель» – «Дон Кихот») через появление общих для отдельных историй персонажей, переходы развязок отдельных новелл, без окончательного завершения, в завязки последующих «новелл» с использованием приема нанизывания, привлечение новых персонажей, тем, мотивов, проблем в каждой следующей «новелле»-истории с сохранением главных «старых» и т.д. [5, с. 248–249; 6].

Появление нового жанра – романа в новеллах – в первые десятилетия XX века, следственно, было не только веянием эпохи новаторства, экспериментального поиска, но и традиционным возвращением к истокам жанра, правда, уже на новом витке, с высоты достижений классического романа. Если в период становления романа стояла проблема

какого-либо объединения разрозненных новелл, придания их россыпи – структурированности, упорядоченности, взаимосвязанности, то роман в новеллах представляет общее идейное содержание, смысловое и композиционное единство через фрагментарные, разрозненные части, нарративно-стилистическое разнообразие. Новеллы составляют общее целое через наличие общих персонажей, образов, событий в разных (или даже в каждой) из них. «Такие созвучия обеспечивают относительное единство действия, хотя во “Всадниках” не меньшую роль играют глубинные, идейно-смысловые связи между новеллами. Фабульные же контакты помогают поддерживать каркас композиции. Существует и множество образных сцеплений, которые организуют произведение в одно целое, время от времени добавляя ему символических оттенков» [4, с. 168–169]. Одновременно каждая новелла предстает отдельным произведением со своим завершенным сюжетом, идейным содержанием, может существовать самостоятельно без каких-либо переработок или доработок.

Именно черты такого романа в новеллах четко проявляются в «Долгом-долгом детстве», также ярко – в «Деревенских адвокатах», хотя об этом говорят значительно реже. Первое из названных произведений Мустая Карима состоит из двадцати разных по объему отдельных новелл (или рассказов) – отдельных фрагментов из жизни рассказчика, а еще больше – из жизни односельчан родного Кляшева. Рассказчик фактически не ставит разницы между собой и реальным автором Мустаем Каримом или даже Мустафой Каримовым, художественным и реальным Кляшевым. Поэтому, очевидно, создать «Долгое-долгое детство» как большое эпическое произведение с четко выстроенным сюжетом, единым кругом главных персонажей и четким композиционным построением было невозможным через необходимость чрезмерной трансформации реальных историй и слишком большого отхода от действительного порядка событий.

Поскольку автобиографическая струя очень сильна в романе (повести) – взрослый человек вспоминает о «долгом-долгом детстве», – то можно вписывать его в контекст огромной литературы автобиографического характера о детстве и отрочестве, о становлении личности и говорить о чрезвычайно высоком уровне документальности, реальности отображенного. Эти воспоминания предстают как отдельные истории, всплывающие в памяти вроде спонтанно, связь между ними – преимущественно ассоциативная: пришло письмо-похоронка о Марагиме в новелле «Ак-Йондоз» – повествование «перепрыгивает» к другим письмам в кармане рассказчика в новелле «Два письма» (кстати, а может «Ак-Йондоз» и «Два письма» – это не просто большие по объему новеллы, а небольшие повести?); воспоминание о первой серьезной драке, с Хамитьяном, «незаметно» переходит в рассказ Хамитьяна о том,

как в родном селе развивалась история с похоронкой то ли на рассказчика, то ли на его дядю-однофамильца; упоминание об уходе из школы из-за жестокости учителя («Мясо – ваше, кости – наши») через временную ассоциацию («а в ту зиму») приводит к следующей части – «Два суда» и т.п. А еще чаще даже никакой логической или ассоциативной мотивировки для перехода от одной части к другой автору-рассказчику не требуется. Кстати, во многих романах с концентрическим сюжетом такие вроде бы немотивированные переходы от одного персонажа или одной сюжетной линии к другим довольно часты.

И тем не менее вроде бы самостоятельные части на самом деле соединены довольно крепко – и формально, и по смыслу. Прежде всего, как уже упоминалось, через образ рассказчика. Не только потому, что этот второстепенный персонаж – единый нарратор, а также иногда является главным героем отдельных новелл или второстепенным в других. Единый рассказчик формирует и единую нарративную струю – соединение эпического повествования с лирическими вкраплениями, лиризованными описаниями и воспоминаниями и почти обязательными философско-лирическими подведениями итогов в конце, середине или начале новелл, которые в таком случае часто приобретают притчевые черты. Нарративным связующим все в единое целое звеном предстает и своеобразное вступление в роману (повести) «Слово, сказанное заранее».

Связывают новеллы в единую цепь также и общие персонажи. Это прежде всего родные рассказчика: Старшая и Младшая Матери, отец, братья, двоюродные сестры и т.д. Круглый Талип из детства опять «всплывает» уже во взрослой жизни рассказчика, из детских лет так или иначе в последующих новеллах предстают друзья уже зрелыми мужчинами, прежде всего – героями войны, есть множество персонажей, о которых упоминается вскользь, но не единожды.

Если же внимательно присмотреться, то можно увидеть и смысловое единство новелл, стоящих рядом или же намеренно в противоположных частях произведениях. Повествование о человеческой жестокости, несправедливости, злорадстве от беды другого в новелле «Два суда» продолжается в частях «Потехи ради» и «Зачем калекам сабантуй?». Истории разные, повествуют вроде бы о разном, а на самом деле все об одном и том же. Щемящая история «незаконной», «запрещенной» с точки зрения общепринятой морали любви Ак-Йондоз и Марагима, воспринимаемая глазами подростка (что-то напоминающее «Джамилю» и другие произведения Ч. Айтматова) вроде бы чисто ассоциативно, через письма, переходит к вполне логичной по содержанию истории не менее щемящей и трагической истории платонической, но безграничной любви рассказчика и Людмилы в «Двух письмах».

Непонятым для читателя только «Ак-Йондоз» может показаться очень короткий мимолетный рассказик-история в этой новелле: «Прежний, Ташбулат-сельсовет, прошлой осенью, возвращаясь с мельницы, упал сонный и покалечился. Заднее колесо ему позвоночник переломило. Сказали бы, что по пьянке, так ведь и в рот не берет. Очень народ подивился этому <...> Ташбулат теперь, надвое переломившись, на костылях ходит, ноги за собой волочит. Но все же к весне сколотил красивую решетку и на могилу Самигуллы поставил» [7, с. 364]. Непонятым для тех, кто не читал или читал невнимательно новеллу «Два суда», в которой намекается, что чуть ли не главным виновником безвинной смерти Самигуллы стал как раз Ташбулат, поскольку убитый был свидетелем каких-то злодеяний тогдашнего председателя сельсовета. После грустной, печальной истории расставания с жизнью и близкими (Старшая Мать прощается») не случайно идут жизнеутверждающие истории «Насип Удачливая Рука», а также «И от смерти есть лекарство».

Конечно, особое значение имеет своеобразное сюжетное обрамление в «Долгом-долгом детстве». В первых новеллах-разделах ведется восхищенное повествование о Старшей Матери, раскрывается ее личная драма и унаследованная от многих поколений мудрость, а также некое недопонимание отношения к ней любимых родной Младшей Матери и отца. Это недопонимание снова незаметно всплывает в разделе «Старшая Мать прощается». Но все расставляет на свои места рассказ Младшей Матери о своем замужестве, взаимоотношениях с отцом и его старшей женой, о той великой и непонятной любви, которая также и ранила других, но не рассорила ближайших родственников. Обрамление становится не просто повторением, а продолжением. Заодно это еще один кирпичик в познание такого сложного, запутанного и так и не познанного чувства любви в здание, заложенное новеллами «Ак-Йондоз» и «Два письма».

Последняя новелла-раздел «Черные угли на белом снегу» также может стать своеобразным итогом-обрамлением: Младшая Мать вдруг очень живо вернулась в детство, настолько живо, что расплакалась. Насколько живо, как и рассказчик-сын в романе (повести) «Долгое-долгое детство». Значит, каждый персонаж и читатель потенциально вмещает в себе богатейший мир детства и познания мира, обретения Человека в себе.

«Деревенские адвокаты» очень близки к «Долгому-долгому детству», хотя и отличаются немного от него – нарративно и образом рассказчика. Повествование ведется от третьего лица, и это уже не тот философско-лирический, несколько сентиментальный повествователь, который восторженно вспоминает прошлое. В «Деревенских адвокатах» тоже есть восторженное восприятие прошлого, прежде всего – троих главных персонажей. Есть и определенная струя лиричности, философичности, но она не столько выражается, сколько

косвенно отчитывается между строк. Стилизованный, «сказовый», повествователь очень близок к первому лицу-рассказчику из «Долгого-долгого детства», но он уже не является персонажем произведения, почти нам неизвестен, хотя предполагается, что он очень хорошо знает своих персонажей, как и они его. Повествователь несколько отстраняется от родного Кляш-Кляшева, называя его в романе Кулушем, как и отстраняется от себя, сообщая, что в село приезжал даже «достаточно известный писатель Муртай Карам». Мы догадываемся, что в основе «Деревенских адвокатов» лежат конкретные факты, есть конкретные прототипы, и эти факты и прототипы родом из родного Кляшева или соседних башкирских сел, но произведение уже не автобиографическое.

Хотя «Деревенские адвокаты» несколько меньше по объему, деление этого романа (повести) на части аналогично к «Долгому-долгому детству»: он состоит из вступления-раздумья «Для зачина», напоминающее даже по названию «Слово, сказанное для начала» из «Долгого-долгого детства», и восемнадцати разделов (в первом романе (повести), как уже отмечалось, двадцать составных новелл, которые тоже условно можно назвать разделами). Поначалу может показаться, что в «Деревенских адвокатах» повествование идет традиционным путем – тремя сюжетными линиями, по каждой на одного из главных персонажей (Адвоката Курбангали, Кашфуллы-сельсовета и Вряля Нурислама), которые взаимопересекаются между собой. Но потом незаметно генология этого произведения все более напоминает жанровые особенности «Долгого-долгого детства», то есть романа (повести) в новеллах. Черты автобиографического романа, правда, отсутствуют. Также значительно меньше проявляется лиризация и философичность повествования, что приближает «Деревенских адвокатов» к классическому миметическому роману со «сказовой» нарративом.

И все-таки даже те разделы, в которых три главных персонажа – в центре повествования, отличаются фрагментарностью повествования, изложением только отдельных, пусть и очень важных эпизодов из их жизни, слабо связанных между собой сюжетно. Зато они отличаются собственным четким сюжетным строением, с наличием почти в каждой из них экспозиции, завязки, развития действия, кульминации и развязки, которая чаще всего не имеет никакого отношения к завязкам остальных разделов. Кроме того, можно отметить, что есть несколько разделов, которые вообще не имеют никакого отношения к Курмангали, Кашфулле и Нурисламу или имеют отношение очень косвенное (например, «Нажип-с-носом», «Талак! Талак! Талак», «Конем своим клянусь!», «Шайми обновляет веру» и т.д.).

Хотя единение между разделами в «Деревенских адвокатах» значительно сильнее, чем в «Долгом-долгом детстве» благодаря наличию трех связующих героев, тем не менее, не можем

не замечать завершенности каждой отдельной части. Поэтому автор также объединяет разделы идейным и композиционным замыслом. Вначале доминирует печально-сентиментальное изложение событий, прежде всего – смерти и похорон трех главных персонажей. Но завершающие разделы «Аккош» и «Враль сам себя обманул» являются (как и в «Долгом-долгом детстве») своеобразной жизнеутверждающей «оптимистической трагедией». Хотя в этих же двух разделах сквозит и определенный контраст: акцентируется внимание на том, что Аккош вернулась в свое село учительницей родного языка, «глубоко увлеклась родным словом и родной песней», а Враль Нурислам горько опечален, что внуки и внучки родного языка и обычаев не знают», а ведь «честь и слава с родным языком входят в человека». «Долгое-долгое детство» из отдельных новелл представляло сложную и емкую историю детства, семьи, поколения однокашников повествователя, шире – историю башкортвов XX века. «Деревенские адвокаты» через биографии главных и второстепенных персонажей излагают историю села Кулуша, человеческих лидерских качеств, обновляющих и утверждающих извечную народную мораль, объединяющих односельчан в цельную общность, если шире – опять же историю башкортвов XX века, все так же остававшихся на задворках государственной жизни, но сохранявших сердцевину этнической ментальности.

Также почти через все произведение проходит – как доминирующая нарративная особенность, тоже объединяющая, – «сказовое» иронично-юмористическое изложение от лица неизвестного, но не обезличенного повествователя. Объединяет оба произведения и их части в единые произведения и прямой или опосредованный призыв время от времени осмысливать свой пройденный жизненный путь, отдать должное другим людям и признать собственные ошибки, по мере возможности откорректировать их последствия.

В «Долгом-долгом детстве» и «Деревенских адвокатах» за счет генологических особенностей романа (повести) в новеллах Мустаю Кариму удалось воссоздать очень широкую панораму жизни своих современников на протяжении около семи десятков лет, представить как емкий, исполненный сложностей и противоречий мир отдельного человека, постоянно мнящегося, ищущего смысл жизни, так и не менее яркий и сложный мир родного села и родного этноса. Одновременно через завершенность каждой новеллы или раздела он сохраняет постоянный интерес к повествованию, каждый раз динамичному, со сменой стилистики и эмоционального темпоритма, с важными дидактическими и философскими выводами. Это жанровое своеобразие «Долгого-долгого детства» и «Деревенских адвокатов» особенно заметно при сравнении с «Помилованием», с его четким концентрическим сюжетом, узким кругом главных и второстепенных персонажей, пусть и с экскурсами в прошлое, наличием того же неизвестного, но не обезличенного философа-нарратора, повествующего с

высоты собственного богатого жизненного опыта, почти наделенного чертами архетипного Старца-Мудреца.

Литература

1. Хужахметов А.О. Проза М. Карима через призму идейно-художественных особенностей / Хужахметов А.О. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14095>
2. Бровко О.О. Новела в структурі української прози: Модифікації та функції : монографія / О.О. Бровко. – Луганськ : Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2011. – 400 с.
3. Хамракулова Х.Д. Современный роман в новеллах (к проблеме жанрово-стилевого многообразия советской литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.03 – литература народов СССР / Х.Д. Хамракулова. – М., 1980. – 28 с.
4. Панченко В.Є. Юрій Яновський: Життя і творчість / В.Є. Панченко. – К. : Дніпро, 1988. – 294 с.
5. Томашевский Б. Теория литературы: Поэтика / Борис Томашевский. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 332 с.
6. Шкловский В. О теории прозы / В. Шкловский. – М. : Федерация, 1929. – 268 с.
7. Карим М. Долгое-долгое детство : повесть / Мустай Карим. – Уфа : Китап, 2017. – 430 с.